

И.В. ВАЧКОВ

СКАЗКОТЕРАПИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ВВЕДЕНИЕ В СКАЗКОТЕРАПИЮ

Сказкотерапия: теория и практика

Игорь Вачков

**Введение в сказкотерапию,
или Избушка, избушка,
повернись ко мне передом...**

«Теревинф»

2017

УДК 159.88
ББК 88.4

Вачков И. В.

Введение в сказкотерапию, или Избушка, избушка, повернись
ко мне передом... / И. В. Вачков — «Теревинф»,
2017 — (Сказкотерапия: теория и практика)

ISBN 978-5-98563-498-3

Книга открывает новую серию, посвященную сказкотерапии, и дает общее представление об этом направлении работы. Автор рассматривает ключевые теоретические вопросы сказкотерапии, приводит типологию сказок, анализирует приемы и методы работы. В книге также приведен богатый каталог сказкотерапевтических игр и упражнений, отражающий специфику работы в зависимости от проблем и возраста людей. Издание поможет специалистам с опытом систематизировать свои знания и найти полезные практические материалы, а начинающим – составить представление о глубине и многообразии этого психотерапевтического направления. 3-е издание (электронное)

УДК 159.88
ББК 88.4

ISBN 978-5-98563-498-3

© Вачков И. В., 2017
© Теревинф, 2017

Содержание

О серии «Сказкотерапия: теория и практика»	6
Предисловие	7
Введение	9
Раздел I. Теоретические вопросы сказкотерапии	10
Глава 1. Сказки в человеческой культуре	10
Почему люди любят сказки?	10
Причины сходства сказочных сюжетов	13
Проблема происхождения сказок	14
Сказки в культурологии и психологии	15
Глава 2. Понятие сказки и типология сказок	18
Что же такое сказка?	18
Подходы к типологизации сказок	20
Классификация сказок в сказкотерапии	22
Приложение 1. Сказка о профессоре Мышлении и злом Драконе[4]	25
Глава 3. Общее представление о сказкотерапии	28
Что за странное слово?	28
Проблема определения	29
Сказкотерапия как направление практической психологии	33
Особенности сказки как инструмента психолога	34
Как установить сходство пространств?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Игорь Вачков
**Введение в сказкотерапию, или Избушка,
избушка, повернись ко мне передом...**

© Вачков И. В., 2011

© Издательство «Генезис», 2011

О серии «Сказкотерапия: теория и практика»

Сегодня никого не надо убеждать в том, что сказкотерапия имеет серьезную перспективу. Используя метафорические ресурсы сказки, она позволяет развивать самосознание человека и строить особые уровни социального взаимодействия, то есть преследует вполне гуманистические цели, притом воздействует мягко и ненасильственно, но результативно.

Признанная в качестве метода в начале 1990-х годов, сказкотерапия начала стремительно развиваться и завоевывать все большее признание специалистов, равно как и получать все более широкое распространение на практике. В настоящее время ее используют не только собственными психологи, но также педагоги и врачи, что говорит о просторе возможностей метода.

В то же время столь активный рост практики стал одной из ключевых причин того, что интерес к сказкотерапии начал обгонять уровень разработанности ее методологических, теоретических, а в связи с этим и методических основ. Отдельные, хоть и все более частые публикации по данной проблематике, содержат различные точки зрения разных авторов, что, с одной стороны, вполне правомерно, но с другой – затрудняет построение технологической базы в конкретных условиях, приводит к разночтениям и эклектике в трактовке самого понятия «сказкотерапия», а стало быть, его сущности.

Для того чтобы преодолеть наметившийся разрыв, необходимо было объединение усилий науки и практики, а также консолидация специалистов в области психологии и других социальных сфер, использующих в своей деятельности сказкотерапию. Важной вехой этого процесса явилось образование в начале 2005 года Сообщества сказкотерапевтов, ставшего координатором деятельности специалистов в области сказкотерапии и представителей смежных направлений в целях обобщения опыта и содействия развитию сказкотерапии.

Предлагаемая книжная серия является совместным проектом Сообщества сказкотерапевтов, издательства «Генезис» и журнала «Школьный психолог». В ней представлены разработки как теоретического, так и практического характера, что очень важно для формирования строгой научной базы метода.

Объединение «под одной крышей» теоретических новаций в области как собственно сказкотерапии, так и теории сказки, с лучшим опытом практиков России, Украины, Беларуси и других стран позволяет строить общие, притом выверенные, основы метода и фокусировать внимание на глубоко профессиональной его реализации.

Предисловие

Новая книга профессора И. В. Вачкова, известного психолога и ведущего российского сказкотерапевта, как нельзя более актуальна в настоящее время, так как в серьезной мере способствует становлению сказкотерапии в качестве научной школы, а именно это является залогом результативности практического ее использования в ближней и дальнейшей перспективе.

Не секрет, что пока, к сожалению, имеет место (притом не так уж и редко) самоназвание психологов сказкотерапевтами без серьезной подготовки в этой области, что неизбежно ведет к дилетантизму в профессиональной деятельности. Это недопустимо само по себе, а в связи с тем, что психологическая культура в нашем обществе пока еще недостаточно развита, в конечном счете чревато дискредитацией метода. А потому необходимо формировать цельную теоретическую основу его, и «Введение в сказкотерапию» И. В. Вачкова – весомый вклад в этот процесс.

Бытует мнение, что сказка – достаточно простой феномен для того, чтобы пользоваться ею в индивидуальной и групповой работе психолога. Поэтому крайне важна сосредоточенность автора в теоретической части книги на базовых вопросах, составляющих ключевые позиции метода, своеобразные реперные точки, такие, как роль и место сказки в культуре человечества, понятие и типология сказок, метафора как ядро сказки, особенности ее применения в работе сказкотерапевта и т. д.

Весьма плодотворен приведенный в книге анализ положения сказкотерапии среди других методов психотерапевтической и психологической работы. Принципиальное значение имеет раскрытие понятия интегративной сказкотерапии, акцентированной на развитие самосознания индивида и повышение уровня взаимодействия между людьми как условий становления субъектности; выделение связи субъектности с расширением экологического мира человека, то есть с выходом в новые пространства представлений, отношений и действий, а метафоры – как универсального средства перехода в новые пространства.

Подход к теоретическим аспектам сказкотерапии у И. В. Вачкова аналитичен и основателен. Например, он не ограничивается констатацией тезиса о необходимости возникновения сходства между семантическими пространствами души читателя/слушателя и сказки для того, чтобы состоялось и проявилось ее воздействие, но и (что особенно ценно) рассматривает, каким именно образом в ходе работы со сказкой происходит процесс построения границ между мирами: внутренним и внешним, реальным и вымышленным.

Проблематика, исследуемая в книге, помогает специалистам действовать более осознанно в практической деятельности, а предлагаемый в ней инструментарий, основанный на теоретических построениях, дает убедительные примеры высокого профессионализма ученого, основательно владеющего практикой.

При этом показаны особенности и приемы работы сказкотерапевта с младшими школьниками, подростками, старшеклассниками и взрослыми. Это принципиально важно, поскольку психологическое воздействие сказки, с одной стороны, универсально и связано в первую очередь с подсознанием, с другой – зависит от возраста человека и соответственно от уровня его социализации, жизненного опыта, приверженности к определенным поведенческим и социальным стереотипам и т. д.

«Введение в сказкотерапию» поможет специалистам с опытом систематизировать свои знания и найти полезные для работы материалы, а начинающим – составить представление о глубине и многообразии этого психотерапевтического направления.

*Доктор философских наук,
кандидат психологических наук,
профессор МГУДТ,
Наговицын А. Е.*

Введение

Среди всех определений сказки есть одно, которое, может быть, и не является исчерпывающим, но уж точно одно из самых красивых. Речь идет об определении знаменитого русского философа Ивана Ильина: «Сказка – это сон, приснившийся нации».

В этой фразе отражена главная черта сказки – ее принадлежность к коллективному бессознательному. Сноподобная природа сказки обуславливает ее загадочность и привлекательность для всех людей. Однако больше всего именно психологам и психотерапевтам не дают покоя таинственные ресурсы сказки, позволяющие удивительным образом менять внутреннее состояние человека.

Попытки разгадать загадки сказочных образов и сюжетов – иногда успешные, иногда не очень – привели к появлению не только массы психологических исследований сказки, но и легли в основу нового направления, становящегося с каждым днем все более популярным – сказкотерапии.

Можно ли считать сказкотерапию научной школой? Думается, что нет. Пока придавать ей такой статус по меньшей мере преждевременно. Границы, отделяющие сказкотерапию от других психологических подходов, направлений, школ, весьма размыты. Основные принципы сформулированы недостаточно четко. Предмет до конца не определен. Да и обилие дефиниций самого понятия «сказкотерапия» свидетельствует об отсутствии единого понимания сущности направления даже у его приверженцев.

В настоящий момент сказкотерапия – это именно направление, некий вектор движения специалистов-практиков. Ему явно недостает серьезных методологических оснований. Необходимы глубокая проработка базовых идей и формулирование важнейших теоретических положений сказкотерапии, которые помогут выстроить достаточно стройную научную концепцию этого направления. Публикация книг серии «Теория и практика сказкотерапии», возможно, позволит продвинуться к решению указанной задачи. Мы еще только в начале пути.

В книге, которая оказалась у вас в руках, предпринята попытка осмыслить некоторые черты сказкотерапии, найти предпосылки ее возникновения и оценить ее место и роль в деятельности психолога. Принципиальная авторская позиция заключается в том, что сказкотерапия понимается как психологический метод, а ее основной целью является помощь в становлении субъектности человека. Такой взгляд лег в основу интегративной сказкотерапии – подхода, разрабатываемого автором.

Книга включает три раздела. В первом рассматриваются некоторые теоретические аспекты сказкотерапии, формулируется ряд методологических идей, анализируются различные определения сказок и их классификации, раскрывается роль метафоры как ядра сказки в работе психолога-сказкотерапевта. Второй раздел описывает основные методы, способы и приемы применения сказок в психологической деятельности при оказании помощи детям разных возрастов и взрослым. Содержание третьего раздела составляют конкретные психологические техники, упражнения, игры, использующие сказку, которые могут быть реализованы в работе с разным контингентом.

Таким образом, книга позволит читателю, с одной стороны, ознакомиться с базовыми вопросами теории сказкотерапии, а с другой – пополнить психологический арсенал новым сказкотерапевтическим инструментарием.

Раздел I. Теоретические вопросы сказкотерапии

Глава 1. Сказки в человеческой культуре

Почему люди любят сказки?

Интерес самых разных людей к сказке в последние годы вырос непомерно. Доказательств этому – пруд пруди. Речь не идет о постоянном спросе на детскую сказочную литературу: «Колобок» и «Репку» российские родители как читали своим малышам, так и продолжают читать. И по-прежнему активно покупаются «Винни-Пух и все-все-все», «Алиса в Стране Чудес», сказки Андерсена и другие классические сказочные произведения.

Дело в другом. Мы с вами являемся свидетелями совершенно новых и неординарных явлений: безумие вокруг книг о маленьком английском волшебнике Гарри Поттере, выходявших миллионными тиражами во всем мире; популярность романов в жанре фэнтези, представляющих собой не что иное, как сказки для взрослых. А шедшие нарасхват, словно горячие пончики, сказки-притчи Пауло Коэльо, привлечшие внимание подростков, которых, казалось бы, уже ничем не удивить? А открытый российскими читателями не так давно Филипп Пулман, пишущий «детские книги для взрослых сердец»?

А невероятный успех в кинопрокате трилогии о Властелине колец, появившейся несколько лет назад? А бурно встреченное поклонниками появление фильмов по книгам Сергея Лукьяненко «Ночной дозор» и «Дневной дозор»: ведь это просто современные сказки о светлых и темных силах, о магах и вампирах! Да и в самое последнее время регулярно появляются полнометражные фильмы-сказки, пользующиеся неизменной популярностью.

Эту «сказочную тенденцию» давно уловили психологи: сейчас ни одно направление практической психологии и психотерапии не обходится без использования метафор, в том числе сказочных. Более того, появилось особое направление – сказкотерапия, – где именно сказка используется для оказания психологической помощи людям самого разного возраста.

В чем же дело? Почему сказки захватывают умы и сердца не только детей (это-то никого не удивляет), но и огромного (если не сказать подавляющего) большинства взрослых людей?

Первый фактор – социальный. По-видимому, этот фактор действует с двух полюсов. С одной стороны, полностью обеспеченная, беззаботная (а потому скучная) жизнь одной части населения направляет ее внимание на потребление сказочной продукции для развлечения. С другой стороны, в серых и порой драматических буднях другой (большей) части населения сказочные миры создают возможность отвлечься хоть на время от многочисленных проблем и погрузиться в совершенно иную – удивительную и прекрасную реальность. Этот фактор достаточно очевиден, и нет смысла подробно на нем останавливаться.

Второй фактор – традиции искусства. Дело в том, что сказочность, метафоричность, мифологичность произведений искусства – это не только что их появившаяся черта, а свойство, издавна присущее продуктам художественного творчества. А. А. Брудный пишет: «Метафорическое видение мира и соответствующее его понимание современные психологи (в частности, представляющие такие направления, как глубинная и радикальная психология) склонны связывать с генезисом человека и соответственно – с человеческой культурой» (*Брудный*, 1998, с. 30).

Иными словами, не сегодня родилось это явление, корни его – в человеческой культуре. Можно вспомнить давно известный культурологам, литературоведам, психологам факт, что многие сказки являются пересказом мифов и между сказками и мифами существует прочная родственная связь. Следовательно, мифологизм, присущий ряду произведений искусства, определяет те эстетические переживания, которые формировались в человеке культурой.

Вообще-то традиционно мифология и литература противопоставляются. Многие исследователи полагают, что мифология и письменная литература являются двумя принципиально различными способами видения и описания мира, существующими одновременно и во взаимодействии и лишь в разной степени проявившимися в те или иные эпохи. Мифологические тексты отличаются высокой степенью ритуализации и повествуют о коренном порядке мира, законах его возникновения и существования. Мифы исторически появились раньше письменных текстов, а собственно художественное повествование, как полагают литературоведы, родилось в результате дробления единого мифологического образа и сюжетного языка.

Однако «расхождение путей» мифологических и художественных текстов оказалось недолгим. Встреча произошла впервые особенно ярко в литературе эпохи Возрождения, а потом в XIX веке – в произведениях основоположника «неомифологизма» Вагнера, который считал, что народ именно через миф становится создателем искусства, что миф – поэзия глубоких жизненных воззрений, имеющих всеобщий характер.

Но только начало XX века оказалось по-настоящему благотворным для расцвета литературы, ставшей предвестницей современных мифологизированных и сказочных жанров. Мифология в силу символичности, изначально ей присущей, оказалась удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса. Великая тройка писателей-мифотворцев – Томас Манн, Джемс Джойс и Франц Кафка – реабилитировала миф в литературе полностью и, думается, надолго. Появились многочисленные литературные сказки, вошедшие не только в сокровищницу мирового искусства, но и в арсенал современных психологов-сказкотерапевтов: произведения Лаймена Фрэнка Баума, Джеймса Барри, Карло Коллоди, Джанни Родари, Астрид Линдгрен. А к середине XX века приемы мифологизации были развиты и приобрели совершенно особые черты в книгах родоначальников жанра фэнтези Дж. Р. Р. Толкиена и его друга Клайва С. Люиса.

Не буду останавливаться на всех этапах развития сказочной литературы и проявления в ней мифологизма: приведенных примеров достаточно, чтобы удостовериться в богатых традициях. Именно мифологизация и сказочность предоставляют возможность писателям на основе имеющихся литературных традиций выйти за пределы обыденной реальности, преодолеть ограничения привычных сюжетов. По-видимому, именно в последние годы мифологизм в искусстве достиг своего расцвета, что и отразилось в росте популярности сказок.

Третий фактор – мифологизм человеческого мышления. Одна из причин непреходящего интереса людей к сказкам – сохранение у современного человека мифологического мышления. Иначе говоря, мифологический тип сознания – вовсе не достояние прошлого, он и сейчас реально существует.

Но сначала разберемся с тем, что такое вообще мифологическое мышление.

По А. Ф. Лосеву (Лосев, 1990), в мифологическом мышлении не различаются: объект и субъект, вещь и ее свойства, имя и предмет, слово и действие, социум и космос, человек и вселенная, естественное и сверхъестественное, а универсальным принципом мифологического мышления является принцип партиципации («все есть все», логика оборотничества).

Можно говорить, что мифологическое мышление выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, пространственных и временных отношений, происхождения и сущности. А. Ф. Лосев подчеркивает, что миф – не схема или аллегория, а сим-

вол, в котором два плана бытия неразличимы и осуществляется не смысловое, а вещественное, реальное тождество идеи и вещи.

Для мифологического сознания и порождаемых им текстов характерна прежде всего недискретность, слитность, изо- и гомоморфичность передаваемых этими текстами сообщений. То, что с точки зрения немифологического сознания различно, расчленено, подлежит сопоставлению, в мифе выступает как вариант (изоморф) единого события, персонажа или текста.

Концепция К. Г. Юнга (*Юнг*, 1996) и специально проведенные эксперименты доказывают, что даже современный цивилизованный человек в своей реальной жизнедеятельности руководствуется подчас не осознанно принятыми решениями, базирующимися на рациональном мышлении, а установками, имеющими мифологизированный характер и не подчиняющимися законам формальной логики. Отсюда – неосознанное стремление к мифам и сказкам.

Установление Юнгом известных аналогий между различными видами человеческой фантазии (включая миф, поэзию, сказки, бессознательное фантазирование во сне), его теория архетипов расширили возможности поисков ритуально-мифологических моделей в самой психике. Юнг (кстати, увлеченный сказочно-мифологическими мотивами произведений Вагнера) не просто создал новую психологическую школу – он открыл человечеству неожиданные глубины психического, связанные с мифологизмом; его идеи послужили основой для создания огромного числа художественных произведений, в том числе и фантастических, и сказочных.

Последователи школы Юнга неустанно демонстрируют проявления архетипического в самых разных аспектах жизни человека. Литература и фантастика, по их мнению, являются ярчайшими проявлениями мифологизированного содержания коллективного бессознательного.

Четвертый фактор – специфические свойства метафоры. Оценивая роль метафоры и сказки в человеческой психике, О. А. Свирепо и О. С. Туманова пишут: «Именно это свойство – способность перекраивать реальность так, чтобы сохранить ее элементы, придавая им новый смысл, – делает ее столь ценным инструментом психотерапии. Принцип метафоры используют для того, чтобы по-новому расставить акценты, помочь пациенту переосмыслить свой опыт... То есть для того, чтобы метафора была эффективной (это в равной степени касается и символа, и образа), необходимо, чтобы она чем-то напоминала «первичные метафоры», «первичные мотивы», как бы работала на соответствующей частоте» (*Свирепо, Туманова*, 2004, с. 16).

Любопытно, что именно эти особенности метафоры отражены в современных романах жанра фэнтези, литературных сказках, фантастических кинофильмах. В них авторы, осуществляя научно-технический и социальный прогноз, мифологизируют будущее, а осуществляя философско-познавательную функцию в отношении эволюции человека и общества, опять-таки создают новый миф о реальности. То есть современные «сказочные» произведения опираются на прошлое (через древние мифы), по-новому толкуют настоящее (творят миф о действительности) и устремляются в будущее (ставя миф в качестве цели или прогноза). Культурно-психологические факторы, таким образом, не могут не влиять на запросы читателей, которые сознательно или бессознательно нуждаются в подобной «мифологической подпитке».

О. В. Защиринская выявляет ресурсы образа дурака в русских сказках: «Абсурд как изыск интеллекта является мощнейшим мотиватором к самоизучению и психокоррекции. Сказка ведет нас к человеческим ценностям, разуму от обратного, предьявляемого в гротескной форме. Давайте ужаснемся и сразу начнем думать в пользу позитивного самоизменения. Сказка – целитель сознания человека, затерявшегося в хаосе безумия и абсурда повседневности. Простота героя-дурака придает нам чувство веры в постижение возможностей собствен-

ной воли, интеллекта и могущества. Каждый – творец своей судьбы в этнокультурном контексте!» (Защиринская, 2001, с. 39).

Пятый фактор – научный: парадигма постнеклассической науки. Наука и ее достижения всегда влияют на общественное настроение и состояние умов даже обычных обывателей. Современный уровень развития науки многими исследователями и методологами характеризуется как переход к постнеклассической парадигме. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что эта парадигма подразумевает полный отказ от традиционных детерминистических представлений о мироустройстве, диалогичность, включение в сферу изучения нестабильности как свойства систем, признание множественности истин. В рамках этой парадигмы осуществляется ассимиляция практической психологией достижения духовных практик, созданных в разное время и в разных местах. А в качестве философских оснований науки рассматриваются философские идеи древности, восточные учения, взгляды писателей, художников, религиозных деятелей. В частности, ориентированные на постнеклассическую парадигму физики пишут: «Нелокальность является фундаментальным свойством всей Вселенной».

А теперь вспомним основной принцип мифологического мышления – принцип партиципации («все есть все»). Вспомним и тот факт, что одной из ведущих идей символистов – больших любителей мифологизма – является идея всеединства, почерпнутая в философии Владимира Соловьева.

Захватывающая и волнующая мысль о взаимосвязанности мира, недискретности его, взаимопереходах объектов друг в друга, проистекающая из физики (!), естественно, стала сильнейшим фактором создания фантастических и сказочных произведений, проникнутых мифологизмом.

Так что причин любви и интереса к сказке много. Мы рассмотрели далеко не все. Но, думается, и названных достаточно, чтобы понять: сказки – это совсем не просто...

Причины сходства сказочных сюжетов

Даже простое чтение сказок (особенно специально созданных для терапевтических целей) дает удивительный эффект и помогает человеку преодолеть различные жизненные трудности. Отчего же это происходит? Попробуем разобраться, выделив разнообразные психологические трактовки содержания сказок, в частности, те позиции, которые сложились в науке по вопросу об источниках появления однородных сказочных мотивов.

Как объяснить тот факт, что даже у очень далеко живущих друг от друга народов сюжеты сказок похожи? Например, во многих странах существуют аналоги русской сказки «Колобок». В Норвегии прямо со сковородки сбегает блинчик. В немецкой сказке пирог удирает от двух женщин, его не поделивших. Также спасаются бегством от людей пряничные человечки и прочие хлебобулочные изделия. Почти у всех народов в разных вариантах можно встретить один из самых архаичных сюжетов о красавице и чудовище (у нас наиболее ярко описанный в сказке «Аленький цветочек»).

О причинах поразительного сходства мотивов сказок, бытующих у разных народов, было много споров. Так, можно говорить о трех основных точках зрения на эту проблему:

- 1) «индийская версия», согласно которой все основные сказочные сюжеты и образы родились в Индии и позже распространились по Европе (Т. Бенфей);
- 2) «вавилонская версия», утверждавшая, что именно Вавилон является родиной сказок, а перевалочным пунктом на их пути в Европу был полуостров Малая Азия (А. Йенсен, Х. Винклер, Е. Штукен);

3) «версия многих центров», настаивавшая на невозможности указать одно конкретное место рождения всех волшебных сказок, что подразумевает возникновение разных сказок в разных странах («финская школа», основанная К. Кроном и А. Аарне).

Последняя точка зрения любопытна еще и предложенным методом определения «первичного» варианта сказки: с помощью анализа всех сказок со сходным мотивом предлагалось выбрать самую подробную, поэтичную и понятную версию, которую и следует рассматривать как изначальную. Кстати, этот взгляд был подвергнут достаточно аргументированной критике со стороны М.-Л. фон Франц, указавшей на то, что передаваемая из уст в уста сказка совсем не обязательно ухудшается, но с тем же успехом может и улучшаться.

Объяснения наличию «бродячих» сюжетов пытались найти и на другом поле: не в связи с местом происхождения сказки, а в связи с раскрытием ее внутренней природы.

Первая позиция, которую отстаивал М. Мюллер, заключается в интерпретации мифов (а следовательно, и волшебных сказок) в качестве искаженного изображения таких природных явлений, как солнце и его разнообразные воплощения, луна, заря, жизнь растений, гроза.

Вторая позиция принадлежит Л. Лейстнеру (чуть позже тот же взгляд отстаивал Г. Якоб), показавшему взаимосвязь между основными сказочными и фольклорными мотивами и повторяющимися символическими снами.

Третья позиция, на которой стоял А. Бастиан, заключалась в рассмотрении основных мифологических мотивов как «элементарных идей» человечества, которые не передаются от одного человека к другому, а являются врожденными для каждого индивида и могут возникать в разных вариациях в самых разных странах и у разных народов.

Четвертая позиция, пожалуй, наиболее разработанная и авторитетная, отстаивается представителями аналитической психологии, идущей от работ К. Г. Юнга. Одна из наиболее ярких последовательниц юнгианского взгляда на природу волшебных сказок М.-Л. фон Франц указывает на разницу между третьей и четвертой позициями: «Для нас же <...> архетип – это не столько «элементарная идея», сколько «элементарная эмоция», элементарный поэтический образ, фантазия, а возможно, даже элементарный импульс, направленный на совершение некоторого символического действия» (Франц, 1998, с. 16). По ее мнению, эмоциональная составляющая при психологическом исследовании очень важна, поскольку сугубо рациональный подход неизбежно приводит к смешению разных архетипов и превращению их в хаос, что обусловлено их взаимодействием и взаимовлиянием. «Это похоже на то, что происходит при печатании наложенных друг на друга фотографий, которые уже никак нельзя представить в отдельности. Вероятно, нечто подобное происходит и в бессознательном, что обусловлено его относительной вневременностью и внепространственностью» (там же, с. 22).

Проблема происхождения сказок

Первые научные исследования, посвященные проблеме волшебных сказок, относятся к XVIII веку. Речь идет не только о целенаправленном собирательстве фольклорных сказок, предпринятом братьями Якобом и Вильгельмом Гримм (чуть позже такую же работу провел Перро во Франции), но и о попытках интерпретаций их содержания (И. И. Винкельман, И. Г. Гаман, И. Г. Гердер, К. Ф. Моритц и др.). Так, например, И. Г. Гердер видел в сказках символическое отражение древних забытых верований. Е. М. Мелетинский и его последователи рассматривают сказку как отражение бытовавших ритуалов. Чаще всего сказка связывается с обрядом инициации.

Из современных чрезвычайно глубоким является исследование происхождения сказок, предпринятое А. Е. Наговицыным и В. И. Пономаревой. Их принципиальной позицией является тезис о непосредственной связи сказки с социумом и культурой, причем такой связи, в которой сказка выступает одновременно в традиционной и новаторской роли. Это касается

не только народной сказки, но и авторской, поскольку любой автор находится в социуме, подпитываясь от культуры и питая ее. По их мнению, необходимо учитывать, что инициация не является одномоментным действием. К будущей социальной роли женихов и невест, равно как воинов, жрецов и т. п., специально готовили с детства, при этом не раскрывая напрямую некоторые базовые секреты, тайны рода, но тем не менее выдавая их подрастающему поколению в закодированном виде.

Сказка выступала не только мерилom готовности к инициации, но и своеобразным «профориентационным тестом»: по реакции на содержащиеся в ней определенные раздражители выявлялась «божественная принадлежность» к той или иной сфере деятельности. Иными словами, по А. Е. Наговицыну и В. И. Пономаревой, сказка служила прежде всего способом подготовки к обряду инициации. Можно предполагать, что сказочные сюжеты предлагались старшими членами племени, которые призывались для воспитания младших и в процессе которого они слагали и пересказывали мифологические истории о происхождении рода, Земли и т. д.

Сознательное кодирование информации в виде сказок и преданий осуществляли и представители жреческо-шаманского сословия, при этом по содержанию сказки были доступны и непосвященным, но ключи к их мистическому пониманию и осмыслению выдавались только после инициации.

Нельзя не заметить и того факта, что сказки выступали средством нравственного воспитания, предлагая определенные модели поведения, наиболее приемлемые для того или иного этапа культурного развития человеческого общества. Кроме того, по мнению целого ряда авторов, самые древние сказки о животных несомненно связаны с тотемом рода – тем или иным животным, которое выступало символическим средоточием наиболее важных для человека родовых качеств.

Итак, однозначно определить единственный и конкретный источник происхождения сказок не представляется возможным.

Сказки в культурологии и психологии

Е. М. Мелетинский считал, что сказка рождается из мифа: «Основные ступени процесса трансформации мифа в сказку – деритуализация и десакрализация, ослабление строгой веры в истинность мифических событий, развитие сознательной выдумки, потеря этнографической конкретности, замена мифических героев обыкновенными людьми, мифического времени – сказочно-неопределенным, <...> перенесение внимания с коллективных судеб на индивидуальные, <...> с чем связано появление ряда новых сюжетов и некоторых структурных ограничений» (Мелетинский, 1973, с. 264).

Весьма распространенный взгляд на сказку как на «осколок мифа», идущий от школы Дж. Фрезера (Фрезер, 1983), может быть оспорен: целый ряд сказок оказывается более древним, чем миф, и, безусловно, сказка глубже и сложнее мифа.

В этом отношении примечательна точка зрения известного психолога юнгианского направления Марии-Луизы фон Франц, которая полагает, что в отличие от мифа, имеющего явно выраженный национальный характер, волшебные сказки находятся вне культуры, вне расовых различий, поэтому способны очень легко мигрировать. Они являются интернациональным языком для всего человечества, для людей всех возрастов и всех национальностей, независимо от их культурных различий. М.-Л. фон Франц пишет: «Мне кажется, что волшебная сказка похожа на море, а саги и мифы подобны волнам на его поверхности: сказка то «поднимается», чтобы стать мифом, то «опускается», снова превращаясь в волшебную сказку. И опять мы приходим к идее о том, что волшебные сказки как в зеркале отражают более простую, но вместе с тем и более базисную структуру психического, его скелетную основу» (Франц,

1998, с. 32). Говоря о возможности появления сказки прежде мифа, она ссылается на работы филолога Е. Швайцера, убедительно показавшего, что миф о Геркулесе составлен из отдельных эпизодов, каждый из которых представляет собой определенный сказочный мотив. Он доказал, что эта история превратилась в миф, изначально являясь волшебной сказкой, но затем став обогащенной и поднятой до литературного уровня.

Одно из главных отличий сказки от мифа состоит, как указывают А. Е. Наговицын и В. И. Пономарева, в том, что последний открыт по содержанию, фактологичен в своем наполнении и однозначен по смыслу. Сказка же всегда многозначна, многоаспектна; демонстрируя выбор пути героем, она дает возможность воспитания не на одном образце, как в мифе, а на выявлении степени готовности члена социума к переходу в новое качество (возрастное, социальное).

Есть и другой взгляд. Известный российский исследователь фольклора, литературовед В. Я. Пропп, проанализировав особенности волшебных сказок в своей работе «Исторические корни волшебной сказки», указывал на то, что формально миф не может быть отличен от сказки. «Сказки и мифы (в особенности мифы доклассовых народов) иногда настолько полно могут совпадать между собой, что в этнографии и фольклористике такие мифы часто называют сказками. Между тем если исследовать не только тексты, а исследовать социальную функцию этих текстов, то большинство их придется считать не сказками, а мифами» (Пропп, 1998, с. 124).

Создатель психоанализа З. Фрейд сказками специально не занимался, хотя и касался этого вопроса, но его последователь О. Ранк рассматривал сказку как вуалирующую сексуальный комплекс, в противоположность мифу, где комплекс представлен откровенно, открыто. По его утверждению, сказка как раз и появляется в тот период, когда семейно-родовые отношения стали упорядочиваться, накладывая определенные ограничения на поведение людей. Среди крупнейших психоаналитиков – исследователей сказки выделяются Э. Фромм и Б. Беттельхайм. «Забытым языком» называл Э. Фромм язык сновидений, мифов и сказок, рассматривая их через язык символов.

Особое значение имеют сказки в юнгианской психологии. Функциональные структуры коллективного бессознательного – архетипы – Юнг сравнивал со стереометрической структурой кристалла. Это первичные формы, организующие психические содержания, схемы, согласно которым образуются мысли и чувства всего человечества. Результатом актуализации архетипов становятся архетипические идеи, являющиеся основным содержанием мифологических представлений. Сказка в концепции Юнга выступает средством встречи ее читателя с самим собой. Сказочный сюжет рассматривается как отражение внутреннего мира читателя, в сказке описывается индивидуация как процесс своеобразного внутреннего путешествия. Поиск и выявление изначальной, первозданной, архетипической «самости» составляет отличительную черту многочисленных исследований сказки юнгианского толка.

По наблюдениям известного юнгианца Х. Дикманна, сказки, эмоционально затронувшие в детстве, могут повлиять на судьбу человека. Они связаны с внутренним миром человека, его поступками и переживаниями, а также его сильными и слабыми сторонами и даже болезнями. По мнению Х. Дикманна, часто такую роль может сыграть сказка или сказочная история, особенно любимая человеком в детстве или, наоборот, сильно пугавшая его в то время. Другими словами, сказка, которая произвела сильное эмоциональное впечатление на человека. Позднее она была забыта или вытеснена и тем самым погружена в бессознательное, где, однако, продолжала обладать значительной энергией, о чем взрослый человек мог и не подозревать (Дикманн, 2000).

С точки зрения представителей транзактного анализа, особого внимания заслуживает изучение ролевого взаимодействия героев сказок. В соответствии с данной концепцией каждый персонаж сказки символизирует определенную роль, которую человек может играть в

жизни или даже класть в основу своего жизненного сценария. В частности, в книге «Люди, которые играют в игры» Эрик Берн описывает жизненные сценарии персонажей сказки «Золушка»: самой Золушки, ее Отца, Мачехи, Сводных сестер, Крестной матери, Принца, Короля, Гонца, Придворного – и показывает, как сценарий Золушки разворачивается в реальной жизни.

В рамках бихевиорального подхода сказки рассматриваются как описания моделей поведения. Соответственно, работая со сказкой, можно помогать клиенту усваивать продуктивные модели, реконструировать непродуктивные и протраивать модели желаемого поведения. Идеи, изложенные в сказках, могут быть напрямую перенесены в жизнь. Так, смысл сказки «Репка» мог бы бихевиористами сформулирован, например, так: «Не сдавайся! Попробуй приложить дополнительное усилие, пусть даже очень маленькое; может быть, именно его не хватает для достижения успеха». Сказки формируют своеобразный банк образцов поведения в тех или иных жизненных обстоятельствах.

Представители гипнотической школы указывают на сходство между наведением транса и прослушиванием сказки. В эриксоновской школе бессознательное рассматривается как хранилище всего опыта человека, его памяти, знаний; бессознательное – главный источник беспредельных возможностей разрешения проблемы, устранения симптома. При наведении транса удастся обращаться напрямую к бессознательному, избегая сопротивления со стороны человека. Особенно эффективно при этом рассказывание психотерапевтических историй, которые часто похожи на сказку. Используя сказки и истории, психолог может сообщить ребенку или взрослому какую-то важную информацию, избежав при этом чтения нотаций и каких-либо жестких директивных указаний, которые, как правило, вызывают у человека агрессию и отторжение.

Сказка используется и в других психотерапевтических направлениях.

* * *

Итак, при всем многообразии трактовок происхождения сказки и многочисленности ее источников вполне очевидно, что сказки удовлетворяли какую-то чрезвычайно важную потребность человека. По всей видимости, они продолжают удовлетворять эту потребность и сейчас – ведь народные сказки почему-то продолжают сохраняться в культуре. С нашей точки зрения, архетипические образы и сюжеты сказок направлены на удовлетворение важнейшей потребности человека – потребности быть субъектом – создателем своего мира и его активным преобразователем. Поэтому именно с позиций психологии субъектности можно объяснить механизмы воздействия и возможности применения сказок в работе практического психолога. Об этом пойдет речь в следующих главах.

Глава 2. Понятие сказки и типология сказок

Что же такое сказка?

Прежде чем начать разговор о возможностях сказки как развивающего и психотерапевтического средства, давайте вспомним одну старую восточную притчу. Странствующий искатель истины увидел большой камень, на котором было написано: «Переверни и читай». Он с огромным трудом перевернул тяжелый камень и прочел на другой стороне: «Зачем ты ищешь нового знания, если не обращаешь внимания на то, что уже знаешь?» (*Кротов*, 1997). О чем эта притча? Может быть, как раз о сказках? Ведь все мы стремимся узнать нечто новое, познакомиться с последними разработками в области педагогики и психологии, использовать неизвестные ранее технологии. Но часто забываем о том, что нам известно с самого раннего детства – о сказках. Мы знаем их, но не обращаем внимания на это знание, считая его уже использованным багажом. Но это не так. В сказках для нас есть еще много неоткрытого и невостребованного.

Выполните простое задание. Возьмите лист бумаги и напишите на нем слово «сказка». А теперь запишите те ассоциации, которые возникли у вас в связи с этим словом, может быть, определения этого понятия, может быть, названия конкретных сказок – в общем, что захотите, что приходит в голову, когда вы слышите – «сказка». Что у вас получилось? Наверное, возник ассоциативный ряд примерно такого плана: детство, теплота, бабушка, радость, вымысел, страшно...

А теперь попробуйте дать четкое и исчерпывающее определение сказки... Это задание оказалось посложнее? Удивительный парадокс: мы все с детских лет прекрасно знаем, что такое сказка, но сформулировать четкое определение оказывается для нас весьма затруднительным.

Давайте попробуем обратиться к ученым и выяснить, как же трактуется сказка в науке. Вот несколько определений сказки, взятых из разных источников:

- Вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание» (*Даль*, 1994. Т. 4, с. 170).
- Повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» (*Ожегов*, 1986, с. 625).
- Повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, иногда с участием волшебных фантастических сил» (Словарь русского языка, 1988. Т. 4, с. 102).
- Один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» (Литературный энциклопедический словарь, 1988, с. 383).
- Краткая, поучительная, чаще оптимистичная история, включающая правду и вымысел» (*Нартова-Бочавер*, 1996, с. 8).
- Произведение, в котором главной чертой становится установка на раскрытие жизненной правды с помощью возвышающего или снижающего реальность условно-поэтического вымысла» (*Аникин*, 1984, с. 69).
- Абстрагированная форма местного предания, представленного в более сжатой и кристаллизованной форме <...> Изначальной формой фольклорных сказок являются местные предания, парapsихологические истории и рассказы о чудесах, которые возникают в виде обычных

галлюцинаций вследствие вторжения архетипических содержаний из коллективного бессознательного» (Франц, 1998, с. 28–29).

А вот одно из самых последних определений:

«Сказка – литературный жанр, возникший из народного творчества, который характеризуется включением ирреальных персонажей, событий и условий (пространство, время, обстоятельства), наличием многозначных символических образов и метафор, а также имеет строго определенный сюжетный сценарий, сформированный на общей базовой интенции, которая выстраивается в зависимости от представлений о судьбе, определяющей степень свободы героя сказки; отношения к тому или иному герою или явлению как архетипическому» (Наговицын, Пономарева, 2011а, в печати).

Итак, далеко не полный перечень определений сказки позволяет увидеть и разнообразие подходов, и почти полностью совпадающие взгляды. Обращает на себя внимание стремление авторов толковых словарей указывать на фольклорное происхождение сказки, но не фиксировать в определении такой вид сказки, как авторская. Эта позиция представляется не вполне правомерной, тем более что в статьях о сказке, как правило, обязательно упоминаются сказочные произведения Пушкина, Гофмана, Андерсена и др., ставшие неотъемлемой частью литературного наследия всего человечества.

Чуть ли не единственной характеристикой сказки, встречающейся почти во всех определениях, является **вымысел**. Разница состоит в основном в акцентировании цели вымысла и его значения: или как условно-поэтического, или символического, или как ориентированного на активное переплетение с правдой.

Но при таком широком толковании термина «сказка» получается, что мы можем отнести к сказкам и все фантастические произведения, и детективы, да и вообще – любые произведения, описывающие какие-то истории и содержащие правду и вымысел! Ведь, скажем, бывшие одно время очень популярными аргентинские и мексиканские сериалы – что, если не сладкая сказка? Получается, что сказка окружает нас всюду! И взрослые, которые пренебрежительно отзываются: «Сказки – это для детей», а сами вечерами зачитываются романами в стиле «фэнтези», на самом деле очень любят сказки. Наверное, не будет слишком большим отступлением от истины заявить, что нет людей, которые не любили бы сказок.

Пожалуй, наиболее строгим и точным является определение сказки, предложенное А. Е. Наговицыным и В. И. Пономаревой, однако следует признать его некоторую тяжеловесность.

Простой и в то же время логически обоснованный взгляд на сказку предлагает И. Б. Гриншпун (Гриншпун, 2005). Он полагает, что с психологической точки зрения под сказкой целесообразно понимать некую историю, содержащую невозможные или неправдоподобные для читателя (слушателя) события или явления, причем такие, к которым неприменимы попытки рационального объяснения с помощью науки или житейского здравого смысла. Говорящая голова в «Руслане и Людмиле» сказочна; говорящая голова профессора Доуэля в романе А. Беляева – нет. «Алиса в стране чудес» перестает быть сказкой с того момента, как выясняется, что все это – сон; но до того (а это практически все повествование) она, несомненно, сказка.

И. Б. Гриншпун намеренно делает акцент на позиции читателя, а не автора сказки. При известных обстоятельствах сказочной может показаться вполне реалистическая история – например, при значительной разнице культурных контекстов написания и восприятия. Точно так же, в силу особенностей убеждений читателя, вымышленные автором события могут рассматриваться как реальные. По мнению И. Б. Гриншпуна, то, что возникало как миф, может восприниматься как сказка; в свою очередь, то, что сочинено как сказка, может для кого-то стать мифом, то есть обрести субъективный статус не подвергаемой сомнению реальности.

В дальнейшем изложении материала я буду ориентироваться именно на такое понимание сказки.

Подходы к типологизации сказок

Не менее важным для понимания сущности сказок и законов сказочного мира является вопрос о классификации сказок. Однако и здесь у исследователей нет единства позиций. Сравним несколько типологий сказок, предложенных разными специалистами.

Финский ученый А. Аарне, который уже упоминался выше, на материале европейских сказок вывел следующие типы сказок:

1. Сказки о животных.
2. Волшебные сказки.
3. Легендарные сказки.
4. Новеллистические сказки.
5. Сказки об одураченном черте.
6. Анекдоты.

С. Томпсон, американский исследователь, предложил расширенный список сказок, выделяя следующие ее виды:

1. Сказки о животных, растениях, неживой природе и предметах.
2. Волшебные сказки.
3. Легендарные сказки.
4. Новеллистические (бытовые) сказки.
5. Сказки об одураченном черте.
6. Анекдоты.
7. Небылицы.
8. Кумулятивные сказки¹.
9. Докучные сказки².

Самой, пожалуй, известной в России является систематизация русских сказок, разработанная В. Я. Проппом. По его мнению, типология сказок должна выглядеть следующим образом:

1. Сказки волшебные.
2. Сказки кумулятивные.
3. Сказки о животных, растениях, неживой природе и предметах.
4. Бытовые или новеллистические сказки.
5. Небылицы.
6. Докучные сказки.

Современная наука различает следующие типы сказок:

1. Сказки о животных.
2. Волшебные сказки.
3. Новеллистические сказки.
4. Легендарные сказки.

¹ Кумулятивная, или «цепочная», сказка, – сказка, содержащая многократное повторение одних и тех же действий или элементов, например, «Репка».

² Докучная сказка – сказка, в которой многократно повторяется один и тот же фрагмент текста, например, «Сказка про белого бычка».

5. Сказки-пародии.
6. Детские сказки.

Даже беглый взгляд на эти типологии позволяет заметить, что, во-первых, ни одна систематизация не является исчерпывающей, то есть не включает все типы сказок (например, в типологиях не упоминаются богатырские или «заветные» сказки, играющие важную роль не только в русском фольклоре, но и у других народов); во-вторых, критерии типологизации часто размыты или меняются в процессе классификации (в качестве жанровых признаков выступают то композиционные особенности сказки, то состав персонажей, то основное содержание).

Оптимальной была бы такая классификация сказок, которая включала бы и фольклорные, и литературные сказки (в том числе авторские терапевтические) и опиралась бы на ясные и четкие критерии. Попытку разработать такую классификацию предприняли А. Е. Наговицын и В. И. Пономарева. Кратко опишем суть этой систематизации.

Типологизация сказки, предпринятая авторами, основана на структурно-функциональном подходе. Он заключается в следующем. Поскольку каждая сказка имеет свою целевую функцию, постольку эта функция может выступать непротиворечивым критерием для категоризации сюжетов. Авторы выделяют несколько уровней типологии, на первом из которых можно обозначить три основных класса: первичные сказки, вторичные сказки и псевдосказки. К первичным относятся те, что изначально создавались по законам жанра, то есть в виде сказок со своими специфическими целями и задачами, ко вторичным – возникшие в результате трансформации из других жанров. Псевдосказки – это нетрансформированные тексты, которые не отвечают всем признакам сказки.

Первичные сказки делятся на инициационные, назидательные и авантюрные. Инициационные сказки, выделенные из так называемых волшебных, в качестве целевой функции имеют преобразование героя в результате инициации, в том числе путем получения права на брак и «воцарения». Назидательные сказки в качестве ведущей функции имеют передачу основных этических и религиозно-моральных устоев, примеров правильного и неправильного поведения в обыденных и экстремальных ситуациях. Авантюрные сказки направлены на развлечение, показ способов выхода из сложных ситуаций, обличение пороков и презентацию надежды на получение помощи.

В классе **вторичных сказок** авторы типологии выделяют протосказки, легендарно-эпические (сказки исторического происхождения), новеллистические сказки. Протосказки возникают в результате профанизации сакральных историй (мифов, ритуалов, шаманских видений, мифологизированной истории народа) и включают в себя мифо-ритуальные, социально-мифологические и шаманские сказки. Легендарно-эпические сказки (сказки исторического происхождения) реализуют идею национального самосознания через презентацию культурного героя как образца национального поведения и включают легендарные и былинно-эпические сказки. Новеллистические сказки, также входящие в класс вторичных, представляют собой превращенные в сказку различные истории, которые изначально могли иметь вид быличек, бывальщин, новелл и новеллистических рассказов, историй-анекдотов и т. д. Целевая функция, объединяющая этот тип: развлечение, обучение правильному поведению в различных ситуациях, обличение пороков.

В классе **псевдосказок** представлены сюжеты, имеющие сходство со сказками, но из-за ограничения цепевидной сюжетной константой или в связи с полным отсутствием сюжетной линии таковыми не являются. К псевдосказкам относятся небылицы, докучные сказки, басни и притчи, детские сказки-страшилки, сказки-этюды.

Дальнейшая систематизация сказок, скрупулезно проведенная А. Е. Наговицыным и В. И. Пономаревой, позволяет переходить на второй и последующие уровни типологии, на

которых рассматриваются подвиды сказок и конкретные сказочные сюжеты, относимые к определенному типу.

Классификация сказок в сказкотерапии

В настоящее время среди сказкотерапевтов широко известна типология сказок, предложенная Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой, которая включает в себя художественные (народные и авторские), психотерапевтические, психокоррекционные, дидактические, медитативные.

Как справедливо указывает сама Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, художественные сказки имеют и дидактический, и психокоррекционный, и психотерапевтический и даже медитативный аспекты. Уже этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о некоторых недостатках предлагаемой ею типологии сказок, главным из которых является неясность критерия классификации. Действительно, если народные сказки (и плюс к ним мифы, притчи, истории) отнесены к художественным, то получается, что они не могут быть психотерапевтическими, в то время как их терапевтический потенциал часто значительно превосходит возможности многих специально созданных в лечебных целях сказочных историй. Кроме того, остается не вполне ясным, почему группа «авторские» выделяется только в этом виде сказок, хотя очевидно, что они присутствуют и в других видах.

Отталкиваясь от типологии Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой, предлагаю читателю собственную классификацию сказок, используемых в настоящее время в сказкотерапии³ (рис. 1).

На наш взгляд, более правомерным было бы разделение всей совокупности сказок на **фольклорные (народные)** и **авторские**. При этом в обоих типах сказок можно выделить развлекательные, художественные, дидактические и психологические. Последний тип сказок включает медитативные, психокоррекционные, психотерапевтические и развивающие. Как легко увидеть, нами введен еще один вид сказок, которого нет в типологии Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой – психологические сказки.

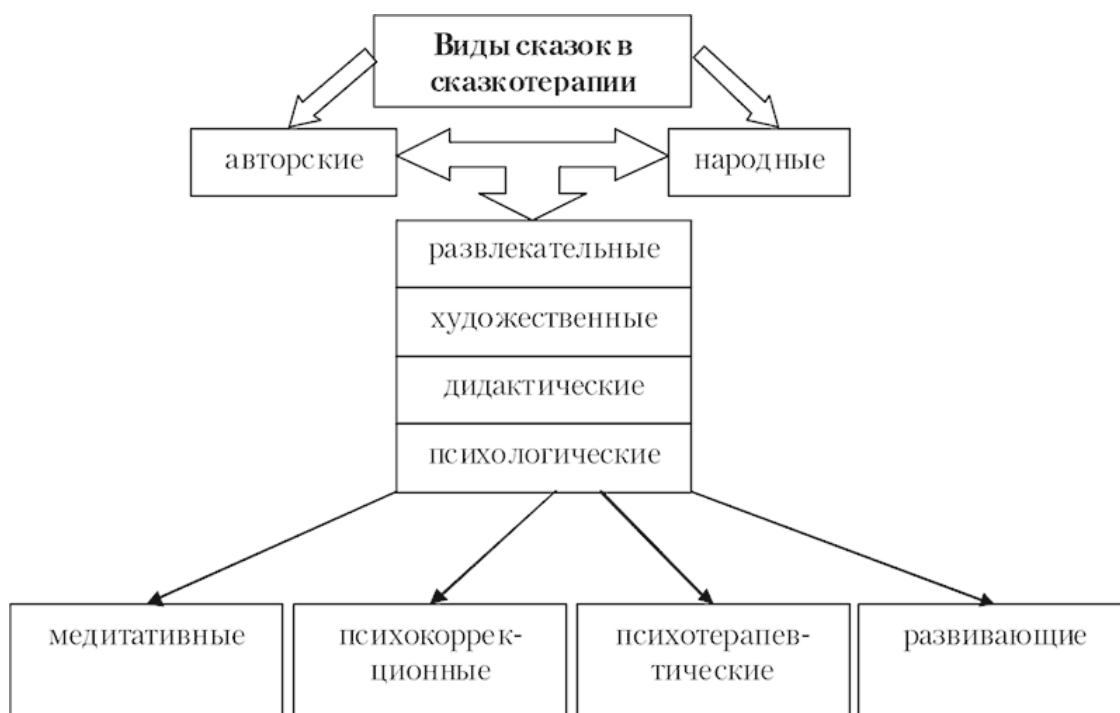

Рис. 1. Классификация сказок

³ В предлагаемой классификации использованы также идеи А. Е. Наговицына.

Основным критерием классификации может служить такой очевидный параметр, легко выделяемый почти в любой (особенно в авторской) сказке, как цель воздействия сказки на слушателя (читателя). Вторым параметром является уровень квалификации специалиста, воздействующего с помощью сказки на другого человека.

Цель *развлекательной сказки* очевидна из названия. Использовать этот тип сказок может любой хороший (и даже не очень) рассказчик, который вовсе и не обязан быть специалистом: психологом, педагогом или сказкотерапевтом.

Художественная сказка преследует эстетические цели, среди которых развитие умений понимать и чувствовать искусство, способность наслаждаться красотой слова. Именно такой тип сказок, пожалуй, особенно интересен литературоведам и филологам.

В последние годы со стороны очень многих учителей-предметников, воспитателей дошкольных образовательных учреждений и других педагогов усилился интерес к сказке и сказкотерапии. Однако думается, что они, не будучи профессиональными психологами, в большей степени ориентированы на *дидактическую сказку*, преследующую обучающие и воспитательные цели. В частности, в качестве одной из таких целей может выступить формирование знаний в определенной области, «упакованных» в сказочную форму.

Если все предыдущие типы сказок могут применять люди, не имеющие отношения к профессии психолога (в принципе это могут делать и родители в отношении своих детей), то *психологические сказки* являются, по-видимому, вотчиной специалиста-психолога и прежде всего психолога-сказкотерапевта. Психологическая сказка не сводится ни к развлекательной, ни к художественной, ни к дидактической, хотя, пожалуй, и должна увлекать (развлекать), и быть художественной по форме, и содержать в себе немалый дидактический потенциал. Балансируя на грани литературного творчества, дидактической работы и формирования мотивации слушателя, психолог-сказкотерапевт должен свои важнейшие цели видеть в другой области: в области создания особого сказочного психологического мира.

Целями психологической сказки выступают: раскрытие перед человеком глубин его собственного внутреннего мира, развитие его самосознания, знакомство с основными психологическими понятиями, помощь на пути становления его личности. Эти обобщенные цели конкретизируются в целях медиативной, психокоррекционной, психотерапевтической и развивающей сказок, о чем пойдет речь ниже.

Поскольку названные виды психологической сказки достаточно известны (их цели определены в работах Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой), то есть смысл более подробно остановиться на введенном нами виде сказок – развивающих.

В качестве рабочего определения психологической развивающей сказки можно принять следующее.

♦ **Психологическая развивающая сказка** – это содержащая вымысел авторская история, содействующая оптимальному ходу естественного психического развития и содержащая в метафорическом виде информацию о внутреннем мире человека. Ее цель – открытие человеку богатств его психики с целью помощи в осознании своих особенностей.

Пример психологической развивающей сказки вы можете найти в *Приложении 1* на с. 46. Правомерно ли говорить о новом типе сказок, новом по отношению к традиционно выделяемым специалистами?

Покажем, чем отличаются развивающие сказки от медитативных, психотерапевтических и психокоррекционных и чем они сходны.

Развивающие и медитативные сказки. Их сходство заключается прежде всего в том, что 1) и в тех и других происходит глубокое погружение слушающего в сказочный процесс через обращение к своим внутренним состояниям и пробуждение личностных потенциалов человека; 2) эти сказки необходимо читать и слушать не походя, не между делом, а в специально созданных условиях; 3) и те, и другие сказки содержат в себе позитивные модели внутренних состояний, сообщаемые бессознательно.

Развивающие сказки при этом могут быть медитативными (их также стоит слушать под музыку, закрыв глаза и погружаясь в состояние релаксации), а могут и не быть таковыми.

В последнем случае легко обнаружить различия между этими типами сказок: 1) в медитативных сказках отсутствуют конфликты и отрицательные персонажи, а в развивающих они вполне возможны; 2) достижение релаксационного состояния при слушании развивающих сказок в отличие от медитативных не является обязательным, напротив, они могут иметь мобилизирующий характер; 3) медитативные сказки могут иметь своим материалом не только явления внутреннего мира человека, как развивающие, но и образцы внешних для него отношений между людьми.

Развивающие и психокоррекционные сказки. Согласно Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой, психокоррекционные сказки создаются для мягкого влияния на поведение; при этом под коррекцией она понимает «замещение» неэффективного стиля поведения на более продуктивный, а также объяснение ребенку смысла происходящего. Такая трактовка понятия психокоррекции представляется не вполне справедливой, поскольку изменение поведения выступает целью ряда бихевиористски ориентированных направлений психотерапии (именно поэтому такие сказки на Западе носят название психотерапевтических историй), а значит, стирается грань между терапией и коррекцией, теряется основание для выделения психокоррекционных сказок в отдельную группу. Однако если принять несколько иное понимание психокоррекции – как психологического воздействия на отдельные структуры психики с целью позитивного изменения, – то такой вид сказок, как психокоррекционные, обретает право на существование. Под целями таких сказок мы будем подразумевать продуктивное влияние на решение клиентами психологических проблем, одним из последствий которого должно стать изменение поведения.

Сходство развивающих сказок с психокоррекционными можно найти в следующем: 1) и в том, и в другом случае события, происходящие с героем (героями), должны быть похожими на реальные ситуации из жизни человека; 2) ребенок или взрослый через сказку обретает возможность осознать свои собственные переживания, отдельные психологические характеристики; 3) альтернативные модели поведения, понятые благодаря сказке, помогают человеку увидеть разные грани возникающих ситуаций и найти новые смыслы.

Различия между этими типами сказок могут быть обнаружены в: 1) отсутствии в развивающих сказках прямой аналогии между жизнью человека и сказочного героя в силу большей обобщенности сюжета; 2) разной целевой ориентации: у развивающей – на личностное развитие путем осознания своих особенностей, у психокоррекционной сказки – на изменение психических структур человека в сторону, желательную для психолога; 3) более объемной области предполагаемых изменений человека в результате воздействия развивающей сказки – не только в конкретных поведенческих проявлениях, как в случае психокоррекционных сказок, но и в изменении смыслов и ценностей.

Развивающие и психотерапевтические сказки. Сходство этих двух видов сказок, пожалуй, более значительно, чем различие. Его можно увидеть при анализе следующих моментов: 1) обращение к глубинному Я человека, его важнейшим смыслообразующим содержаниям; 2) стремление помочь в более осознанном отношении к самому себе, миру, другим людям, а при необходимости – в изменении этого отношения; 3) оказание психологической

поддержки и избавление от страданий и негативных переживаний, связанных с какой-либо проблемной жизненной ситуацией или психоэмоциональной травмой.

Различия развивающих и психотерапевтических сказок имеют, по-видимому, непринципиальный характер и заключаются в следующем: 1) развивающие сказки не являются прямой аналогией индивидуальных эго-процессов конкретного человека (разумеется, если не брать во внимание неизбежные проекции самого автора), а для многих психотерапевтических сказок это очень важно; 2) развивающие сказки в большей степени ориентированы на задачи улучшения качества обычной жизни человека и его развитие по сравнению с психотерапевтическими, особенно нужными именно в ситуации жизненных трудностей; 3) развивающие сказки, как правило, пишутся автором-психологом, а психотерапевтические часто создаются самим клиентом.

Итак, выявленные посредством анализа специфические черты психологических развивающих сказок позволяют говорить о существовании в рамках сказкотерапии еще одного вида сказок, область применения которого достаточно широка.

Приложение 1. Сказка о профессоре Мышлении и злом Драконе⁴

Профессор Мышление был очень-очень умным. Он интересовался всем на свете и искал знания повсюду. Когда ему удавалось добыть какие-то новые знания, он складывал их в королевскую Сокровищницу Памяти.

Как-то раз он отправился обследовать дремучий лес, росший на окраине Королевства Внутреннего Мира. Как обычно, профессора Мышление сопровождали два его верных помощника – **Анализ** и **Синтез**. А разведчик **Восприятие** был их проводником.

Разведчик Восприятие шел впереди, а потом возвращался и докладывал профессору, что он видел, слышал и чувствовал. Однажды, вернувшись из разведки, он сказал:

– Видел в лесу широкую тропу и сломанные деревья.

– Что еще? – спросил профессор Мышление.

– На тропе были следы от больших лап. Один конец тропы ведет к реке. А второй я еще не обследовал.

– Давайте проанализируем, – предложил Анализ. – Итак, мы имеем: тропу, на которой отпечатались следы, а тропа ведет к реке. Значит...

– Значит, – подхватил Синтез, – по этой тропе ходит большой зверь. Ходит он к реке на водопой. Тогда второй конец тропы ведет к его жилищу.

– Здорово! – восхищенно сказал проводник Восприятие. – Какие вы умные. Я бы не догадался!

– Ты же Восприятие! – сказал профессор. – Ты только видишь, слышишь, получаешь информацию. А обрабатываю ее я, Мышление, с помощью Анализа и Синтеза. У каждого из нас своя работа.

– Тогда я пойду и посмотрю на жилище этого зверя, – сказал разведчик и ушел.

Некоторое время он двигался по тропе. Скоро он обнаружил, что тропа обрывается у входа в пещеру. Возле пещеры валялись обглоданные кости, а из темноты доносилось тяжелое дыхание и сверкали страшные глаза. Если бы это увидел профессор Мышление, он сразу бы понял, что зверь, живущий в пещере, свирепый и кровожадный, а значит, опасный. Но разведчик Восприятие умел только воспринимать. Он без страха заглянул в пещеру, да так и замер, пораженный взглядом огромных красных глаз. Прямо на него выползал громадный Дракон. Его зеленая чешуя тускло поблескивала на солнце, а гребень на спине скрежетал, как старое

⁴ Впервые сказка опубликована в кн.: Вачков И. В. Психология для малышей, или Сказка о самой «душевной» науке. – М.: Педагогика-Пресс, 1996.

железо на крыше. Из ноздрей Дракона вырывалось пламя. Он медленно повернул голову и раскрыл пасть, полную острых зубов.

– Я пока не буду тебя есть! – прорычал он Восприятию. – Ведь ты не один в моем лесу, верно? Скоро за тобой придут твои друзья, и я полакомлюсь всеми сразу.

Дракон оказался прав. Профессор Мышление, Анализ и Синтез, обеспокоенные долгим отсутствием Восприятия, отправились на поиски и скоро тоже оказались у драконьей пещеры. Увидев свирепого Дракона, профессор не испугался. Он был уверен, что Мышление всегда найдет выход из самого трудного положения.

– Вот вы и здесь! – проревел Дракон. – Я сейчас славно пообедаю.

– Мы пришли к тебе сами, – спокойно сказал профессор. – Дай нам шанс спастись. По старым драконьим обычаям, ты должен загадать нам три загадки. Если мы не отгадаем их, тогда ничего не поделаешь – кушай нас на здоровье. Но если мы правильно ответим, ты должен будешь отпустить нас всех.

Дракону не очень понравились слова Мышления, но такой обычай действительно существовал.

– Ну хорошо! – прорычал Дракон. – Я загадаю вам три загадки. Их задавал один психолог. Я тогда не знал ответов, и мне пришлось его отпустить. Слушайте первую загадку:

*Без чего безвкусной, пресной кажется нам наша жизнь?
Без чего любая песня нам не трогает души?
Без чего сердца не могут волноваться, трепетать?
Без чего любой в итоге может автоматом стать?*

– Давайте проанализируем, – сразу же предложил Анализ. – Итак: что же окрашивает нашу жизнь, придает ей вкус, что позволяет переживать, слушая хорошие песни, волнует нас, а отсутствие этого превращает нас в бездушную машину?

– По-моему, все ясно, – сказал Синтез. – Обобщая и собирая все эти признаки воедино, мы легко находим ответ.

– Конечно же, – закончил профессор Мышление. – Это эмоции, чувства.

Дракон недовольно пробурчал:

– Ладно. Первую загадку вы отгадали. Посмотрим, как справитесь со второй:

*Сколько будет пять и пять?
Как щебечут птицы?
Почему легко узнать
Наших близких лица?
Все вопросы без труда
Я смогу отставить,
Потому что нас всегда
Выручает...*

– В самом деле, ведь я знаю, что пять и пять будет десять, – пробормотал Анализ. – И могу представить, как щебечут птицы. Что же мне помогает?

– И лица близких людей мы, конечно, сразу узнаем, – добавил Синтез. – Но почему?

И тут глаза Мышления сверкнули догадкой.

– Я понял! – воскликнул он. – Все это мы можем делать, потому что и правила сложения, и щебет птиц, и образы наших друзей – все это хранится в нашей...

– Памяти! – одновременно закончили его мысль Анализ и Синтез.

Дракон удивленно посмотрел на своих пленников, которые почему-то никак не хотели быть съеденными. Уже две загадки из трех были угаданы! Дракон гневно выпустил пламя из пасти и прорычал:

– Ну что ж! Слушайте последнюю, третью загадку. Если вы не сумеете справиться с ней, я проглочу вас сразу, не дожидаясь обеда!

*Вмиг раскрыть любой секрет,
Справиться с вопросами,
Правильный найти ответ –
Ну конечно, просто мне!
Разобраться, что к чему,
Можно – без сомнения!
Что угодно я пойму
С помощью...*

Дракон презрительно взглянул на пленников, уверенный, что уж с такой загадкой им не справиться. Но, к его удивлению, на лицах Мышления и его верных помощников расцвели довольные улыбки, едва он закончил говорить. Они все уже знали ответ.

– Такие трудные задачи действительно мне по силам, – с гордостью произнес профессор. – Разобраться, что к чему, конечно, смогу, потому что я и есть Мышление!

– Как? – взревел Дракон. – Ты – Мышление?

– Да. А ты сразу не догадался?

Дракон в ярости зарычал. Но нарушить данное слово он не мог. И хотя был очень голоден, он понял, что сегодня пообедать ему не придется.

Глава 3. Общее представление о сказкотерапии

Что за странное слово?

Сегодня слово «сказкотерапия» уже не вызывает недоуменных взглядов и уточняющих вопросов у практических психологов. Слово знакомое, часто используемое в обиходе. Сказкотерапевтов можно встретить в образовательных учреждениях и психологических центрах, хосписах и больницах. Считается, что нижняя возрастная граница применения метода – два, два с половиной года, тогда как верхняя пока не обнаружена. Сегодня разработаны и активно развиваются направления сказкотерапии, ориентированные на людей как с нормальным интеллектуальным развитием, так и с нарушениями интеллекта и даже с глубокой умственной отсталостью. Активно применяются сказки в работе с людьми с ограниченными возможностями, в том числе с имеющими нарушения слуха и зрения. Существуют индивидуальные и групповые формы сказкотерапии.

Однако до сих пор чарующее слово «сказкотерапия» понимается психологами очень по-разному, и смыслы, которые в него вкладываются, различаются порой не меньше, чем, скажем, бытовые сказки и волшебные.

Одним из камней преткновения является, по-видимому, буквальная расшифровка слова «сказкотерапия» – «лечение сказками». Вообще понятия, имеющие в своем составе часть «терапия» (гештальттерапия, телесная терапия и подобные), не получили полной легитимности в системе образования (в том числе дошкольного). Ведь в функциональных обязанностях педагога-психолога не предусмотрены психотерапевтические процедуры. Более того: медики периодически напоминают психологам о запрете «внедряться на чужую территорию». Психотерапия, по их мнению, – сугубо медицинская область. Им, правда, невдомек, что психологи и не претендуют на то, чтобы кого-нибудь «лечить». И психотерапевтические методы (лукаво называя их психокоррекционными) используют не для работы с психопатологиями, а чаще всего – в развивающих целях. Потому-то, чтобы как-то оправдать и объяснить применение психотерапевтических методов психологами, в последние годы все чаще говорят о психологической модели психотерапии. Впрочем, в системе образования использование даже такой модели пока не признано, и среди направлений деятельности школьного психолога психотерапии нет.

Хотя сказкотерапию назвать клиническим психотерапевтическим методом тоже вроде бы нельзя. Во всяком случае, в солидной и серьезной «Психотерапевтической энциклопедии», вышедшей в 1999 году под редакцией Б. Д. Карвасарского, никаких упоминаний о сказкотерапии мне найти не удалось. Значит, это все-таки психологический метод? И да, и нет. Потому что сказку используют и врачи, и психологи, и педагоги. И каждый специалист находит в сказке тот ресурс, который помогает ему решать его профессиональные задачи.

Попробуем сначала разобраться с местом сказкотерапии среди других методов психотерапевтической и психологической работы. Обратимся к имеющимся классификациям сходных с ней методов.

По мнению известного специалиста в области арт-терапии Л. Д. Лебедевой (Лебедева, 2006), можно построить следующую иерархию направлений на основе искусства и творческой деятельности:

Тип: терапия искусством.

Класс: терапия творчеством (креативная терапия).

Подкласс: экспрессивная терапия.

Семейства: терапия творческим самовыражением; музыкальная терапия; игровая терапия; драма-терапия; сказкотерапия; библиотерапия; танцевальная терапия; телесно-двигательная терапия; арт-терапия.

Таким образом, получается, по Лебедевой, что самая крупная таксономическая единица (тип) в этой иерархии – терапия искусством. Она связывает все научные и прикладные направления, имеющие общее основание: использование в «лечебных целях» различных форм художественной деятельности субъекта, продуктов его творчества или прославленных шедевров. Тогда сказкотерапия оказывается одной из составляющих терапии искусством.

Как указывает Л. Д. Лебедева, в терапевтическом мире, основанном на гуманистических принципах, за невербальной и/или метафорической экспрессией зарезервирован термин «экспрессивная терапия» (от *англ.* – выражающий, выразительный). Это комплекс разнообразных форм творческого (художественного) самовыражения с применением движения, рисования, живописи, скульптуры, музыки, письма, вокализации, импровизации, – в условиях, обеспечивающих поддержку человека с целью стимулирования его личностного роста, развития и исцеления. С этой позиции сказкотерапию можно считать наряду с другими направлениями частью экспрессивной терапии. Однако, безусловно, у сказкотерапии есть специфика в предмете изучения и практической работы, в целевой направленности, содержании, формах, используемых средствах, о которых поговорим ниже. Все же эффекты сказкотерапии не сводятся к результатам творческого самовыражения, происходящего при создании своей собственной или при восприятии уже готовой сказки. Безусловно, эти эффекты играют немаловажную роль в сказкотерапевтической работе, но существуют не только они: взаимодействие со сказочными персонажами и образами запускает, с одной стороны, активные интеллектуальные процессы и рефлекссию, а с другой – бессознательную перестройку привычных паттернов. То есть при анализе сказкотерапии мы вынуждены выходить за рамки механизмов терапии искусством, поскольку сказочные образы характеризуются не только и не столько эстетическими признаками, сколько архетипическим содержанием и связью с сакральными аспектами социальной жизни. Иными словами, в узком смысле слова сказкотерапия может быть рассмотрена как один из вариантов экспрессивной терапии, а в широком смысле она выступает как самостоятельное направление наряду с терапией искусством и другими мощными школами.

Кроме того, не следует забывать, что можно говорить и об альтернативных классификациях сказкотерапевтического направления. Так, например, существуют психоаналитически ориентированная сказкотерапия, юнгианская сказкотерапия, психодраматическая сказкотерапия и т. д.

Проблема определения

Сам термин «сказкотерапия» появился сравнительно недавно. Основателем метода комплексной сказкотерапии является Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, директор Института сказкотерапии, созданного в Санкт-Петербурге в 1997 году. Она определяет сказкотерапию как набор способов передачи знаний о духовном пути души и социальной реализации человека, как воспитательную систему, сообразную духовной природе человека (*Зинкевич-Евстигнеева, 2000*).

Раскрывая свое понимание, она пишет, что сказкотерапия – это:

- открытие тех знаний, которые живут в душе и являются в данный момент психотерапевтическими;
- процесс поиска смысла, расшифровки знаний о мире и системе взаимоотношений в нем;
- процесс образования связи между сказочными событиями и поведением в реальной жизни;
- процесс объективации проблемных ситуаций;

- процесс активизации ресурсов, потенциала личности;
- процесс экологического образования и воспитания ребенка;
- терапия средой, особой сказочной обстановкой, в которой могут проявиться потенциальные части личности, нечто нереализованное, может реализоваться мечта;
- процесс подбора каждому клиенту его особенной сказки (*там же*, с. 8–15).

Безусловно, все эти аспекты могут быть выделены в содержании сказкотерапевтической работы. Однако такое определение носит скорее функциональный характер и оставляет в тени сущность самого метода. Кроме того, рассмотрение сказкотерапии прежде всего как воспитательной системы уводит ее с психологического поля на дидактическое и сужает круг ее целей и задач. Конкретизация определения сказкотерапии и дифференциация ее составляющих обнаруживает «мозаичность» такой трактовки понятия, поскольку выделяемые компоненты относятся к разным уровням содержания и либо излишне обобщены, либо исключительно операциональны, что не позволяет создать четкую картину, отражающую сущность понятия.

Врач-сказкотерапевт А. В. Гнездилов выделяет в качестве предмета сказкотерапии «процесс воспитания Внутреннего Ребенка, развития души, повышение уровня осознанности событий, приобретение знаний о законах жизни и способах социального проявления созидательной творческой силы» (*Гнездилов*, 2002, с. 6). Кроме того, он подчеркивает, что «сказкотерапия – это еще и процесс «вспоминания» и возвращения подростку и взрослому гармоничного мироощущения» (*там же*).

Такое определение, на наш взгляд, слишком широко и может быть отнесено не только к сказкотерапии, но и к целому ряду других методов.

Еще одна позиция в отношении сказкотерапии начала складываться в последние годы в связи с приходом в нашу страну знаний о нарративной психотерапии, знакомством психологического сообщества с носителями этих знаний и создателями этого подхода, а также появлением своих отечественных нарративных психотерапевтов. Нарративный, или повествовательный, подход (основателями считаются Майкл Уайт и Дэвид Эпстон) в психотерапии тесно связан с постмодернистским мышлением и на практике заключается в вовлечении клиента в процесс создания им своего жизненного сценария, истории, в описание своей биографии. Нарративный подход в работе с людьми основывается на идее о том, что люди строят свою жизнь в соответствии с историями, которые они рассказывают о себе другим и самим себе, и в соответствии с историями, которые рассказывают о них другие люди (*Уайт*, 2010). Поскольку в нарративной практике огромную роль играют метафорические истории, ряд психологов предлагают отнести сказкотерапию к одному из методов нарративной психотерапии.

Нет сомнений, что у нарративного подхода и сказкотерапии много общего. Надежда Калина указывает, что нарративная психотерапия представляет собой одну из основных ветвей общелингвистического подхода в психологии, в котором уделяется немалое внимание и сказочному жанру. Но в отличие от семантических, семиотических, психолингвистических и других сфер исследования в психологии, где изучается слово, значение и смысл, в нарративном подходе ведется анализ более крупных единиц – нарративов (рассказов, повествований, историй), которые построены по принципу художественного текста. Именно поэтому в фокусе внимания нарративных терапевтов оказываются текстуальные характеристики человеческой речи, а не грамматические и лексические особенности. Сами создатели этого подхода М. Уайт и Д. Эпстон в качестве цели нарративной психотерапии называют содействие клиенту в создании последним таких альтернативных историй, которые бы формировали в нем новое представление о себе самом, при этом создание среды для достижения цели также является важной задачей терапии.

Одной из важных техник нарративной терапии является экстернализация проблемы как такой психотерапевтический прием, который позволяет клиенту объективировать имеющиеся у него проблемы, благодаря чему они начинают восприниматься клиентом как отдельные от его

личности. Известный отечественный арт-терапевт А. И. Копытин и его коллега Е. Е. Свистовская полагают, что экстернализация проблемы присуща и арт-терапии (Копытин, Свистовская, 2010). Скажем, клиент создает изобразительный продукт, перенося на него свои переживания и проблемы. Подобное вынесение вовне того, что ранее находилось внутри у клиента, как раз и определяет лечебно-коррекционный потенциал арт-терапии и отличает ее от других методов и приемов. Важно указать, что вместо рисунков может быть использован готовый текстовый материал, например, сказки – как народные, так и авторские, а также мифы, притчи, предания. На основании этого материала происходит создание рисунков и затем уже сочинение своих историй на базе готового материала.

В этом случае мы наблюдаем пересечение некоторых приемов и арт-терапии, и нарративной терапии и сказкотерапии. У нарративной психотерапии, как показывает анализ, есть общие принципы с арт-терапией и сказкотерапией, например, следование за инициативой клиента, признание возможности различной интерпретации его повествования и изобразительного материала.

Вместе с тем есть и существенные отличия. Самое главное – сказки и близкие к ним жанры не являются для нарративных терапевтов главным средством работы, их интересуют истории, создаваемые людьми о своей жизни. Кроме того, сказкотерапевтические техники обладают большим разнообразием, чем техники нарративного подхода, и, что самое главное, принципы сказкотерапии, несмотря на внешнее сходство с принципами нарративной терапии, базируются на совершенно иной методологической основе, о чем речь пойдет ниже.

Таким образом, уподобление сказкотерапии и нарративного подхода и, тем более, включение сказкотерапии «внутрь» нарративной терапии как ее части представляется неправомерным.

Существует также мнение, что сказкотерапии как направлению вообще следует отказать в самостоятельном существовании, поскольку это всего лишь обобщенное название для группы приемов работы со сказочными образами и сюжетами, применяемых в разных психотерапевтических школах: в гештальттерапии, психодраме, транзактном анализе, гипнотерапии и других.

Здесь следует заметить, что применение разнообразных приемов использования сказок в разных психотерапевтических школах вовсе не «уничтожает» сказкотерапию как отдельное направление. Более того, этот факт свидетельствует о силе и популярности сказкотерапии, чьи методы проникают на «смежные психотерапевтические территории». В настоящее время практически ни одна психологическая практика не обходится без применения метафоры (очень часто – сказочной метафоры). Но только сказкотерапия сделала метафоры основным средством психологической помощи. Собственно в этом и заключается одна из отличительных черт рассматриваемого направления.

Вообще говоря, взаимопроникновение методов разных направлений – явление весьма распространенное, и оно не приводит к мысли о несостоятельности какой-то из психологических или психотерапевтических школ. Достаточно вспомнить спор между психодраматистами и гештальт-терапевтами об авторстве метода пустого стула, применяемого и теми, и другими. А работа с сопротивлениями, начавшаяся в психоанализе, теперь ведется почти всеми психологами и психотерапевтами. Это же не говорит о растворении психоанализа в других школах.

Разработка методологических основ сказкотерапии требует более четких и конкретных дефиниций. К сожалению, большинство авторов книг и статей по сказкотерапии избегают определений, ограничиваясь общими рассуждениями о практических аспектах применения метода. Прежде чем я предложу собственную трактовку этого термина, расскажу коротенькую сказку, придуманную одним маленьким мальчиком.

Однажды заяц спросил лису: «Почему ты такая хитрая и злобная и ловишь нас, зайцев? Стань лучше такой же доброй, робкой, тихой, как мы».

Лиса подумала и попыталась стать доброй, робкой и тихой. И у нее стали расти уши.

Вот так – незатейливо, образно и метафорично – ребенок поведал о том, что каждый должен быть самим собой.

Сказки – и народные, и авторские (художественные), и созданные «под задачу» сказкотерапевтом, и написанные самим клиентом, – позволяют решить прежде всего две важнейшие задачи. Первую можно метафорически назвать «*задачей зеркала*»: сказка может помочь клиенту (ребенку или взрослому) увидеть самого себя, встретиться с собой, а значит, развить самосознание и дать возможность гармонизировать свое личностное пространство. Вторая задача может быть названа «*задачей кристалла*»: сказка позволяет по-новому увидеть других людей и мир вокруг себя, и, следовательно, построить новые, более конструктивные отношения с людьми и миром.

Способность сказки помочь психологу решить эти две задачи не является специфической для сказки, исключительно ее свойством: существуют и другие средства, используемые психологами и психотерапевтами. Однако именно сказка в качестве особого психологического инструмента обладает несколькими чрезвычайно важными возможностями:

- она связана с мощнейшими ресурсами бессознательного за счет своей архетипичности;
- она оказывается средоточием главнейших психологических проявлений человека и является своеобразной энциклопедией основных человеческих проблем и поведенческих паттернов;
- она метафорична;
- она способна порождать творческую активность человека. Психологические механизмы, реализующие указанные возможности сказки, будут раскрыты чуть позже. Здесь же важно отметить, что, решая «задачу зеркала» и «задачу кристалла», то есть развивая самосознание человека и раскрывая его потенциалы в отношениях с окружающим, сказка формирует его способность стать творцом собственного внутреннего мира и мира внешнего. А именно эта способность определяет человеческую субъектность. На это, с моей точки зрения, прежде всего нацелена сказкотерапия.

В рамках такого понимания сказкотерапии могут быть применены самые разнообразные методы психологического и психотерапевтического использования сказок из самых разных подходов, что позволяет назвать разрабатываемое нами направление интегративной сказкотерапией (Вачков, 1996, 2001, 2006, 2008, 2009, 2010).

♦ **Интегративная сказкотерапия** – это такое направление практической психологии, которое, используя метафорические ресурсы сказки (и близких ей жанров), позволяет людям развить самосознание и построить особые уровни взаимодействия друг с другом, что создает условия для становления их субъектности.

Одним из самых сложных вопросов является вопрос о предмете сказкотерапии. Если рассматривать сказкотерапию с точки зрения того, что она изучает и на что воздействует, то вроде бы в качестве предмета следует выделить сказочные образы. При этом понятие «сказочные образы» может иметь два значения: во-первых, как нечто условно «объективное», внешнее по отношению к психике, имеющееся в сказочных текстах и обладающее достаточно устойчивыми характеристиками; во-вторых, субъективное психологическое образование, специфичное для каждого человека, связанное с его индивидуальным восприятием сказки и изменчивое. Однако такое «раздвоение» предмета приводит к разделению и самой сказкотерапии на две ветви: на психологию сказки, в которой, по аналогии с психологией искусства, предпринимается «объективное» изучение сказочного жанра, его происхождение, его психосемантика и психолингвистика, особенности восприятия, а также символика образов, и на практическую

сказкотерапию, где акцент делается на разработке методов оказания психологической помощи с опорой на сказку.

В этом случае, по-видимому, следует говорить о двух уровнях анализа предмета сказкотерапии и соответственно о двух методологических уровнях психотехнической теории.

Второй вариант анализа предмета сказкотерапии может быть связан с подходом к пониманию практической психологии в целом. В настоящее время практическая психология может рассматриваться не только как сфера приложения психологических знаний, не только как психологическая практика и способ проверки умозрительных психологических моделей, но и как новая активно развивающаяся отрасль психологической науки, имеющая свой предмет изучения и разработки. В качестве такового выступают принципы, методы и формы психологической помощи, психологической поддержки, психологического содействия и психологического сопровождения развития человека (Вачков, Гриншпун, Пряжников, 2007). Думается, что с ориентацией на эту позицию в первом приближении предмет сказкотерапии можно определить как принципы, методы и формы психологической работы, опирающиеся на метафору (как правило, сказочную). При этом необходимо особо подчеркнуть, что важнейшим инструментом, психологическим средством сказкотерапии является метафора. Этот факт также составляет особенность сказкотерапии как отдельного научно-практического направления.

Говоря о **задачах сказкотерапии** как особого направления психологии, также следует выделять разные их уровни:

1) научно-исследовательские задачи связаны с решением проблем изучения закономерностей, особенностей, психологических механизмов влияния сказочной метафоры на развитие самосознания субъекта и повышение уровня его взаимодействия с другими людьми с целью разработки методологических основ деятельности практического психолога-сказкотерапевта, а также способов, средств и методов профессионального применения сказкотерапии в условиях различных социальных систем;

2) методические задачи сказкотерапии диктуются необходимостью психологического обеспечения деятельности психологов-сказкотерапевтов, что предполагает составление специальных обучающих программ, создание учебников и учебных пособий по сказкотерапии, разработку психологических рекомендаций и методических материалов, программ подготовки и переподготовки кадров;

3) практические задачи определяются конкретными проблемами непосредственно по месту профессиональной деятельности психолога-сказкотерапевта: в учреждениях и организациях различного профиля, в специализированных психологических кабинетах и центрах – в форме оказания психологической помощи конкретным людям.

Сказкотерапия как направление практической психологии

Главным средством психологического воздействия в сказкотерапии является метафора как ядро любой сказки. Именно глубина и точность метафоры определяют эффективность сказкотерапевтических приемов в работе с детьми и взрослыми (об этом речь пойдет в главе, посвященной метафоре).

При этом, думается, вполне правомерно рассматривать сказкотерапию прежде всего как **психологическое (а не клиническое) направление**, поскольку важнейшие цели, достигаемые с помощью сказкотерапии (развитие самосознания и построение высоких уровней взаимодействия между субъектами), имеют психологический характер. Однако возникает вопрос: а есть ли основания считать важнейшими целями сказкотерапии именно эти? И второй: почему же сказкотерапия может стать одним из важнейших направлений работы практического психолога?

Психологическая и педагогическая практики настоятельно требуют разработки адекватных методов, приемов, технологий, направленных на повышение уровня самосознания как основного условия развития взрослого и ребенка, их становления как субъектов саморазвития. Для этого могут быть использованы качественно новые средства имажинативного (от *imago* – образ, представление) характера – специально созданные психологические сказки, сущность которых была описана в предыдущей главе.

Есть и другие соображения, позволяющие обосновать не только правомерность, но и необходимость применения сказкотерапии в работе психолога. Современные научные концепции в психологии все больше уделяют внимания субъектности человека и взаимодействию субъектов на разных уровнях, считая это основополагающим условием человеческой жизнедеятельности.

Полисубъектный подход к деятельности практического психолога, внутри которого и разрабатываются авторские сказкотерапевтические технологии, позволяет рассмотреть общность «взрослый-ребенок» или «взрослый-взрослый» как единую развивающуюся систему и вскрыть средства, с помощью которых можно помочь развитию этой системы и всех входящих в нее субъектов, в частности, развитию их самосознания.

Итак, если понимать сказкотерапию таким образом, то становится ясным, почему вдруг рядом оказываются такие понятия, как «сказка», «субъектность», «самосознание». Сказкотерапия – это достойный инструмент из арсенала практического психолога. И использовать его следует максимально эффективно.

Особенности сказки как инструмента психолога

Исследователи (лингвисты, психологи, философы) не раз отмечали, что в волшебных сказках постоянно используется прием материализации целого ряда категорий: все значимые для ее содержания элементы приобретают четкую форму, выраженную телесность (например, волшебные способности представлены в виде предметов или существ: конь, скатерть, печь, золотая рыбка и т. д.); конфликты, споры реализуются не в нудных препирательствах, а в конкретных действиях, чаще всего соревновательных – кто со Змеем справится, кто дальше стрелу пустит.

Проанализировав содержание русских волшебных сказок, П. И. Яничев (*Яничев, 1999*) выделил психологическую триаду тенденций или потребностей, которые актуализируются, закрепляются и в определенной степени удовлетворяются при восприятии и усвоении сказки. Эта триада включает в себя потребность в автономности (независимости), потребность в компетентности (силе, всемогуществе) и потребность в активности.

Первая потребность связана с такими мотивами, характерными для многих сказок, как отсутствие матери с самого начала, отправка отцом сына или сыновей с поручением, женитьба героя, преобразование героя при прохождении через череду испытаний (очевидное отражение древних обрядов инициации) и т. п. Волшебная сказка потому и волшебная, что в ней всегда обнаруживаются некие волшебные средства, помогающие герою справиться с препятствиями. В этом проявляется потребность во всемогуществе. Преодоление испытаний является необходимым элементом волшебной сказки, достижение всемогущества оплачивается соответствующей ценой.

Однако актуализация этих двух потребностей не исчерпывает необходимых условий обретения взрослости и достижения успеха. Следует помнить и о потребности в активности. Интересно, что во многих сказках герой является сначала абсолютно пассивным и вынуждается внешними обстоятельствами к активности (но уж потом-то его не остановишь!). В женском варианте проявления активности присутствуют с самого начала: падчерица (Золушка) трудолюбива, усердна, исполнительна.

Помимо трех вышеназванных потребностей, существуют еще некоторые, актуализирующиеся у ребенка через сказку: потребность в нарушении запретов и правил, без чего невозможно совершить переход от детского состояния к взрослому и научиться принимать на себя ответственность за свои поступки, и потребность в абсурде, благодаря которому сказка становится посредником между внутренним миром ребенка и внешним, объективным миром.

Последняя из выделенных потребностей представляется важной в силу интересующей нас темы – развития самосознания через сказку. Ведь в абсурдности сказки заложен глубочайший смысл – отражение процесса осознания границ внешней и внутренней реальностей. Ребенку с активно развивающимся самосознанием абсурдность сказки – так в жизни не бывает! – помогает лучше понять, где «я в воображаемом мире» и где «я, играющий в воображаемый мир». При этом особую, универсальную роль приобретает метафоризация, без которой построение сказочных миров просто невозможно.

В процессе использования сказкотерапии в своей работе школьному психологу следует учитывать следующие психологические особенности воздействия сказок.

Во-первых, волшебные сказки есть символическое отражение древних ритуалов, важнейший из которых – инициация. Преодолевая разнообразные трудности, герой получает возможность изменения – перехода на иной качественный уровень.

Во-вторых, сказки описывают глубинный опыт проживания эмоциональных кризисов, характерных для развивающегося человека. Это может быть непосредственный телесный опыт, связанный с прохождением психофизиологических кризисов. Воздействуя на бессознательном уровне, сказки включают адекватные механизмы защиты Я, в частности, адаптационные механизмы, помогающие преодолеть кризис.

В-третьих, воспроизводя кризисные жизненные ситуации, сказка учит ребенка продуктивно переживать страх и обращаться со страхом, направляя, проецируя его в конкретные сказочные образы (*Обухов, 1997*).

В-четвертых, образы сказки не только проецируются на реальную жизненную ситуацию слушателя и воспроизводят в метафорической форме моральные нормы и принципы взаимоотношений между людьми, но и включают глубинные механизмы бессознательного за счет непривычных для разума архетипических элементов (*Петрова, 1999*).

В-пятых, сказка лишь тогда воздействует на человека, когда возникает сходство между семантическим пространством его души и семантическим пространством сказки.

И наконец, в-шестых, при оценке силы воздействия сказки на слушателя не следует забывать о ее эстетической, художественной стороне. Особенно это касается авторских сказок (народные при внешней скудости используемых эстетических средств потрясающе отшлифованы столетиями использования).

Буквальный смысл сказки воспринимается сознанием, в то же время подсознание занимается более тонким и кропотливым делом: разгадыванием и обработкой метафорических сообщений, расшифровкой скрытого смысла, второго плана, неочевидного содержания. Если на сознательном уровне ребенок воспринимает сказочные метафоры как иной, вымышленный, мир и проживает ее события не вполне всерьез, играючи, то его подсознание «верит» в сказочные ситуации как в реальные. Психологами не раз отмечалось, что метафорический смысл сказки часто усваивается только на подсознательном уровне и задает нужную программу изменений в поведении, реструктурирования ценностей, взглядов и позиций. Это и позволяет считать сказки и метафоры важным психотерапевтическим приемом, помогающим ребенку упорядочить свой внутренний мир. Специалисты-практики, использующие в психотерапевтической работе метафоры, обращают внимание, что желаемые перемены не всегда наступают, если человек старается вспомнить метафору на сознательном уровне. Опыт показывает, что человек редко вспоминает о метафоре, она действует вне и помимо его сознания.

Как установить сходство пространств?

Однако остается неясным: как, каким образом в процессе работы со сказкой происходит процесс построения границ между мирами – внутренним и внешним, реальным и вымышленным? Ведь вряд ли процесс идентификации себя с главным героем выступает в качестве единственного психологического механизма изменений в отношениях с самим собой и своей жизненной ситуацией!

Для разрешения этого вопроса оказалось продуктивным использование понятия семантического пространства, под которым понимается система функционально оправданных связей между значимыми для некоторого круга лиц семантическими элементами (смыслами и значениями). Семантическое пространство душевного мира человека содержит в себе множество подпространств – тех фрагментов внутреннего мира, которые соответствуют определенным фрагментам внешнего мира и жизненному опыту взаимодействия человека с ними. Повседневную жизнь человека, согласно Е. Л. Доценко, можно рассматривать как непрерывное путешествие (переходы) из одного семантического пространства в другое – по мере того, как человек идентифицирует себя, относит к той или иной общности людей, обладающей сходными смысловыми характеристиками: потребностями, интересами, знаниями, привычками, установками и пр. Фактически, когда создается сказка, содержание которой соответствует особенностям жизненной ситуации человека в данный конкретный момент, два семантических пространства – психолога-сказочника и клиента – должны взаимно отобразиться. То есть определенному содержанию одного из этих двух семантических пространств ставится в соответствие некоторое содержание другого, так что язык каждого из них может быть иносказательно (метафорически) использован для описания содержания другого. Однозначного изоморфного отображения в большинстве случаев не происходит, потому что психолог, предлагающий сказку, не может знать о человеке абсолютно все (Доценко, 1999).

Следует обратить внимание на очень важный момент, на который указывает Е. Л. Доценко: задача состоит не в том, чтобы что-то узнать о фактах жизни человека, а в том, чтобы понять то, какова эта жизнь в его представлениях. Создаваемая сказка позволяет (даже при недостатке информации) очертить общий контур проблемы, охватить ключевой круг реально работающих метафор, обозначить возможный баланс ресурсов клиента, вскрыть содержательные и динамические моменты, типичные затруднения и привычные стратегии взаимодействия, способы решения возникающих проблем.

В отношении психологических сказок заметим, что их воздействие на самосознание ребенка осуществляется, по-видимому, в соответствии с указанным выше психологическим механизмом. В психологических сказках, конечно же, не существует прямой аналогии между жизнью ребенка и сказочного героя в силу большей обобщенности сюжета – ведь психологические сказки обычно нацелены не на одного конкретного ребенка, а на широкую группу детей одного возраста, обладающих сходными психологическими характеристиками.

Вместе с тем, прелесть сказок в том и заключается, что в одном и том же сказочном пространстве разные люди находят смыслы и значения, близкие и понятные им. Это происходит не только благодаря наполненности сказок архетипическими образами, но и потому, что типичные речевые обороты сказок («однажды, давным-давно...», «в одной семье...», «жила-была девочка...» и т. п.) задают условные ситуации в особом пространстве сказки, в котором происходят события, в той или иной форме имеющиеся в опыте практически любого человека. То, что ребенок взаимодействует со сказкой, сразу и неизбежно задает для него семантическое пространство, насыщенное метафорами. Текст сказки поэтому не является для него однозначным и ограниченным некоторым набором значений. Напротив, любое значение любого сказочного содержания тут же ребенком доосмысливается, обогащается личностными смыслами,

интериоризируется. Отклик в душе слушателя возникает тогда, когда сказка сконструирована таким образом, чтобы, будучи конкретным, интересным, увлекательным, ярким художественным произведением, оставаться «открытой возможностью» для разнообразных толкований и чтобы между ее семантическим пространством и семантическим пространством детской души возникло взаимное отображение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.